

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

БЕЛОВА Ольга Владиславовна

**НАЗВАНИЯ И СИМВОЛИКА
ЖИВОТНЫХ В ПАМЯТНИКАХ
ВОСТОЧНО- И ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ
КНИЖНОСТИ XII—XVII вв.**

Специальность 10.02.03

Славянские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1996

Работа выполнена в Отделе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения и балканистики Российской АН

Научный руководитель — академик *Н. И. Толстой*

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук *В. М. Живов*

кандидат исторических наук *А. А. Турилов*

Ведущая организация — Российский Государственный
Гуманитарный Университет

Защита состоится «16» мая 1996 г. в 15.00

на заседании диссертационного совета Д 002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения и балканистики РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32-А, корп. В).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института славяноведения и балканистики РАН

Автореферат разослан «12» апреля 1996 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

М. И. Ермакова

© Институт славяноведения и балканистики Российской АН

Предметом настоящего исследования является часть общеславянского лексического фонда — названия животных в памятниках славянской книжности XII—XVII вв.— «естественнонаучных» сочинениях, символично-толковательных произведениях, лексикографических трудах. Эта лексика до сих пор не была объектом специального рассмотрения как в традиционном аспекте (состав, происхождение, структура имен, способы раскрытия их семантики в текстах разного типа), так и с точки зрения специфики данного лексического пласта, отличного от номенклатурных зоологических названий и «общезыковых» имен животных. В сфере книжной «лексики природы» связь между означающим и означаемым имеет особый характер — символическое значение слова преобладает над номинативным. Это обусловлено спецификой и структурой средневекового «научного» описания, а также жанровыми особенностями «естественнонаучных» текстов, принадлежностью значительной их части к символично-толковательному направлению книжности.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы, обратившись к лексическому материалу памятников книжности культурного ареала *Rex Slavia Orthodoxa*, определить принципы номинации и описания животных и показать, что в системе представлений о мире, где доминирующим принципом является символизм, имена — названия зооморфных персонажей выступают не только в номинативной функ-

ции, но обладают разветвленной символикой, опирающейся на традиции раннехристианской экзегетики.

Для осуществления поставленной цели необходимо выполнение нескольких взаимосвязанных задач. В работе делается попытка представить максимально полную картину восточнославянской (в.-слав.) и южнославянской (ю.-слав.) «зоологической» лексики единого литературного языка православных славян. Ставится задача дать лексико-семантическую характеристику названий животных (принципы номинации, соотношение исконнославянских и заимствованных лексем, кальки, словообразовательные модели, полисемия, омонимия и т. п.). Особое внимание уделяется лингво-культурологическим особенностям этой лексики (слово называет не конкретный природный объект, но понятие, предполагающее в себе помимо прямого смысла целый ряд символических значений, на раскрытие которых было направлено толкование имени в книжных текстах). Названия животных из «Физиолога», Толковой Палеи, азбуковников вносились в словари церковнославянского (ц.-слав.) и древнерусского (др.-рус.) языков, но их символическое наполнение, столь ярко проявившееся в этих памятниках, не раскрывалось. В связи с этим ставится задача создания специального словаря названий животных, который призван отразить не только лексику определенной области книжных знаний, но и специфику значений, возникающих у слова в результате функционирования как в сфере «естественнонаучных» представлений, так и в окружении символического контекста.

Актуальность предлагаемого исследования определяется общей неизученностью книжной «лексики природы» и ее символического аспекта. Предлагаемый в диссертации подход к раскрытию семантики названий животных с учетом символического наполнения лексем рас-

ширяет лингвистические представления о лексике языка славянской книжности, открывает новые возможности для интерпретации «естественнонаучных» текстов, для реконструкции части культурной модели славянского средневековья, воспринявшей и развившей систему представлений о животных и их символику, представленную в переводных памятниках, изначально ориентированных на другие культурные традиции.

В подходе к рассмотрению лексического материала памятников «естественнонаучной» литературы с позиции соотношения лексики и символики заключается новизна исследования. В работе анализируются как лексические значения названий животных, так и символично-мифологический аспект, связанный с этими именами и нашедший отражение в представлениях средневековых книжников об их носителях. Впервые предпринята попытка объединить в словарный свод названия животных из памятников славянской книжности и прокомментировать лексические единицы материалом тех же источников, показав неразрывную связь имени с языковым и культурным контекстом. В результате сравнительного анализа в.-слав. и ю.-слав. списков памятников удалось показать, как разрабатывается общий лексический материал и его символическая интерпретация в контексте разных этнокультурных и языковых традиций.

Материалом исследования послужили памятники славянской книжности XII—XVII вв., традиционно относимые к «естественнонаучным», а также лексикографические источники, включившие в свой состав фрагменты этих памятников. Работа построена на материале опубликованных текстов и архивных источниках из собраний Библиотеки Академии наук, Государственного Исторического музея, Института русской литературы, Российского Государственного архива древних

актов, Российской Государственной библиотеки, Российской Национальной библиотеки и др. (привлечен материал 191 рукописи, основная часть которых впервые вводится в научный оборот).

В ходе работы применялось комплексное использование методов сравнительно-исторического и структурно-типологического анализа текстов, что позволило классифицировать источники в соответствии с их функциональной предназначенностью, установить типы описания животных, способы раскрытия лексических и символических значений названий в зависимости от типа текста. Привлечение лингвистического материала многочисленных рукописей обусловило необходимость использования методов текстологического анализа источников; применялись современные археографические и источниковедческие методы работы с рукописными источниками, что позволило уточнить датировку ряда списков, имеющих принципиальное значение для разработки данной темы.

Теоретическая значимость и практическая приложимость работы состоит в возможности ее использования для изучения лексики древнеславянского языка; привлечение в ходе исследования обширного корпуса рукописных текстов способствует введению в лексический фонд XII—XVII вв. новых словоформ и значений, не отмеченных в словарях. Словарь названий и символики животных объемом свыше 1000 статей позволяет заполнить существующую в исторической лексикологии и лексикографии лауну в описании животного мира. Введение в научный оборот новых списков источников отчасти восполняет отсутствие в отечественной славистике полноценных комментированных изданий текстов «Физиолога», «Собрания о неких собствах естества животных» Дамаскина Студита, «Книги естествословной», «Хроники чудес» Конрада Ликостена. Результаты диссертации могут быть ис-

пользованы при составлении этнолингвистических словарей, для сопоставительных исследований в области книжной и народной культуры. Сравнение фрагментов книжных и народных представлений о животных делает возможным установить факты взаимовлияния традиций книжности и фольклора и показать наличие типологических параллелей.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались на заседаниях Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики РАН, семинара по древнерусской литературе при Институте мировой литературы РАН, а также на научных конференциях «Язык, литература, культура: традиции и инновации» (Москва, МГУ, ноябрь 1993 г.), «Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии» (Москва, ИСБ, ноябрь 1995 г.), «Словарь и культура» (Москва, ИСБ, ноябрь 1995 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка использованных рукописных источников и приложений, где помещены: «Словарь названий и символики животных» (по материалам памятников восточно- и южнославянской книжности XII—XVII вв.); сравнительный указатель мотивов, связанных с представлениями о животных в книжной и народной традиции; индексы персонажей.

Глава 1. Характеристика источников. Специальных, собственно естественнонаучных сочинений славянская книжность не знала до XVI в. Сведения о живой природе находили отражение в произведениях о мироустройстве, в богословских трактатах и полемических сочинениях, в описаниях путешествий, в сказаниях о зверях и птицах. Эти литературные тексты явились той базой, на основе которой впоследствии произошло вычленение в отдельную область описаний животных и осуществился переход материала в различные сборники, азбуковники

и словари. Первые произведения, непосредственно посвященные описаниям свойств животных, вошли в славянскую книжную культуру не ранее середины XVI столетия, и большинство из них связано с западноевропейской литературной традицией. Весь корпус текстов, с достаточной долей условности относимых к «естественнонаучной» литературе, можно разделить на несколько групп в зависимости от целей, которые ставили перед собой составители памятников. Функциональное предназначение текста играло роль в выборе формы повествования и приемов описания животных персонажей. В работе дается краткая характеристика использованных текстов-источников, рассматривается наличие данных памятников в книжности восточных и южных славян, указываются публикации и списки (в ряде случаев уточняется датировка рукописей; указываются списки, впервые вводимые в научный оборот).

Символико-толковательные произведения. Связь науки средневековья с богословием определила характер значительной части произведений, отразивших воззрения славянских книжников на природу и представителей животного мира. Эта область мироздания рассматривалась прежде всего в связи с идеей божественного творения и соответственно подвергалась символическому истолкованию. Целью символико-толковательных сочинений о природе было не столько дать исчерпывающие сведения о природных объектах, сколько истолковать их свойства в приложении к церковному учению или к нравственной стороне человеческой жизни. К этой группе источников относятся: «Физиолог», «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, «Шестоднев» Георгия Писидийского, Толковая Палея, «Цветы дарованиям», «Слово о рассечении человеческого естества», «Книга философская» Андрея Христофоровича, «Слово (Сказание) о птицах небесных», «Совет птичий».

Описательные «естественнонаучные» произведения составляют вторую группу памятников, цель которых состояла в передаче «естественнонаучной» (в т. ч. занимательной) информации. Эти произведения сообщают о свойствах, повадках, образе жизни, внешнем виде животных, стараясь дать как можно больше разнообразных сведений о реальных и мифических созданиях. К этой группе относятся: «Христианская Топография» Козьмы Индикоплова, «Сказание об Индийском царстве», «От Шестоденца избрано о животех», «Сказание о человецех незнаемых в восточной стране», «Луцидариус», «Собрание от древних философов о неких собствах естества животных» Дамаскина Студита (др.-рус. текст известен только в рукописной традиции), «Хроника чудес» Конрада Ликостена (рус. текст не опубликован), «Книга естествословная» (известна в единичных списках, не опубликована).

Лексикографические источники. Третью группу источников составляют памятники, цель которых можно определить как энциклопедическую и лингвистическую,— это древнерусские азбуковники XVI—XVII вв. и восточнославянские переводные словари XV — нач. XVIII в. Назначение словарных памятников состояло в первую очередь в установлении славяно-иноязычных соответствий. Сведения о животных представлены здесь не в контексте единого повествования, но в виде словарных статей, оформленных по принятым для данного источника правилам. Однако элементы символического толкования имени, использование баснословного контекста для комментирования лексического значения слова не были окончательно вытеснены из лексикографических сводов. В работе рассматриваются два направления в.-слав. лексикографии указанного периода.

Первое представлено азбуковниками, созданными на территории Московской Руси и являющими собой особый тип словарного свода,

в котором совместились черты толкового, энциклопедического и переводного словаря. В толкованиях названий животных отразились такие особенности азбуковников, как непосредственное обращение к источникам и приведение имени в контексте первоисточника; заимствуя названия животных из библейских книг, Толковой Палеи, «Христианской Топографии», составители азбуковников не обходили вниманием символическое значение имен и аллегорические толкования, сопровождавшие лексему в тексте-источнике. Автор разделяет концепцию азбуковников, разработанную Л. С. Ковтун; в работе привлекаются материалы публикаций текстов и списки азбуковников в соответствии с предложенной Л. С. Ковтун классификацией.

Второе направление — собственно лингвистические словари, причем большинство памятников этой подгруппы связано с языковой традицией Юго-Западной Руси и отразило новые принципы составления словарей, выработанные в период формирования литературного языка этого региона («проста мова») и национальных восточнославянских языков. В работе использован материал словарей: «Речь тонкословия греческого», «Лексис с толкованием словенских мов просто», «Лексис Лаврентия Зизания, «Лексикон славеноросский» Памвы Берынды, «Синонима славеноросская», «Лексикон латинский» и «Лексикон словено-латинский» Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского, «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова.

Иконографические изображения. Наличие среди списков привлекаемых памятников лицевых рукописей (в основном в.-слав. происхождения) позволило рассмотреть изображения животных с точки зрения соответствия живописного ряда словесному описанию и сделать вывод о том, что изображения животных в памятниках типа «Физиолога» и «Слова о рассечении человеческого естества», как и рассказы

о них, призваны раскрыть символическое значение, которое несет в себе персонаж.

Принципы номинации и описания животных в памятниках восточно- и южнославянской книжности XII—XVII вв. излагаются в главе 2. В работе рассматриваются представления о животных и соответственно лексика, относящиеся к книжной системе знаний о природе и характеризующие картину мира, отличную от сформированной народным сознанием. Спецификой средневекового «естественнонаучного» знания (элемент фантастики и экзотики как неперемнное условие описания) определяется характер изложения и состав персонажей. В книжных памятниках равное внимание уделяется как реальным, так и фантастическим созданиям.

Среди персонажей книжного зверинца выделяются группы *реально существующих животных, мифических животных, антропоморфных существ*. Каждая из этих групп рассматривается с позиции соотношения имени и свойств объекта, наличия объективного и вымышленного в описании, перераспределения свойств между носителями имен; на основании полученных данных делается вывод о том, что для книжного «научного» описания животных признак *реальный/ирреальный* не является определяющим.

Для классификации имеющегося в текстах корпуса имен и формирования семантического словаря названий животных лексический материал рассматривается в соответствии с несколькими принципами.

Обобщающие названия отражают средневековую классификацию природных объектов. Анализ семантики и особенностей употребления лексем *вещь, животъ, зверь, скотъ, гадъ, птица* показывает, что наиболее широким спектром значений обладают лексемы *вещь* (в ю.-слав. текстах) и *животъ* (в в.-слав.), сочетающие представления об объекте

и его свойствах. Лексема *зверь* в в.-слав. текстах дублирует слово *животь*, но наиболее устойчивое ее значение — «дикое животное». *Скотъ* в ю.-слав. текстах означает «животное вообще», в в.-слав. в первую очередь «скот, скотина». Ю.-слав. *гадъ*, *гадина* приложимо ко всем животным (в т. ч. птицам); в.-слав. тексты демонстрируют значение «пресмыкающееся», «нечистое животное». Названия птиц более единообразны и представлены лексемами *птица*, *пта*, *птах*, *потка*. Имена морских обитателей, дублирующие названия земных животных, отражают средневековые представления об идентичности земного и подводного миров.

Выделение двух групп имен животных — *иноязычных (неславянских)* и *славянских* названий — обусловлено тем, что большая часть источников принадлежит к кругу переводных памятников, пополнивших зоологическую терминологию славян новыми названиями. Сравнение различных по происхождению названий позволяет рассмотреть вопрос их взаимного соответствия, а также особенности процесса вхождения иноязычной лексики в славянский языковой фонд. Основная часть заимствований приходится на долю греческого, латинского, древнееврейского языков. По материалам азбуковников и сборников отмечены отдельные заимствования из древних восточных (коптский) и западноевропейских языков. В литературных текстах славянские названия играют подчиненную роль, служат для пояснения иноязычных имен («Физиолог», «Христианская Топография»), однако материал показывает, что со временем происходит постепенное вытеснение иноязычной лексики славянской; в словарях и азбуковниках последовательно проводится идея семантической тождественности неславянских и славянских лексем. Для экзотических животных, мифических существ в славянских текстах сохранялись иноязычные имена, часто демон-

10

стрирующие несоответствие описания наименованию (*бовешь* «звери с 5 ногами» — от лат. *boves*; *пантерь* «птица, костью которой режут камень» — от лат. *panthera*). Названия-кальки характеризуют малоизвестных персонажей (*единорог*, *велбудорысь*, *конь речный*); буквальное понимание таких имен отражалось в словесном описании, подчеркивавшем разнородные черты животного, и в иконографии.

Славянские названия животных достаточно однородны, что обусловлено единым языком книжности восточных и южных славян. Локальные языковые черты отразились в списках «Физиолога», «Собрания» Дамаскина Студита, «Сказания о птицах» (*елень/олень*, *стерк/буско*, *ирябрь/еребица/коропатва*, *ласица/невестка*; формы типа *соловей*, *петух*, *кокушка*; *зозуля*, *чмовж*, *хохотва*; *кукувица*, *гошдевица*, *рогач*; гипервосточнославянизмы — *корокодил*). Азбуковники, словари Берынды и Славинецкого зафиксировали большую группу полонизмов и единичные чехизмы. Т. о., славянская лексика распределяется в текстах по принципу принадлежности к книжному языку или живой речи и представляет различные ареальные традиции.

К особенностям языковой атрибуции следует отнести не только наличие экзотических языковых помет типа «индейское», «мидонское» и т. п., но и характерные для азбуковников дублетные пометы «еллинский-греческий», «латинский-римский», «еврейский-жидовский», а также определение греческих слов как латинских или еврейских (и наоборот), славянских как греческих и т. п. Подобные пометы подтверждают использование в азбуковниках архаического лексикографического приема, когда помета указывает не на языковую принадлежность слова, а на язык первоисточника. Т. о., названия животных из Библии были определены как «еврейские», а помета «сербское» при ц.-слав. словах передавала представление о языке книжности. На

примере языковой атрибуции названий животных из «Христианской Топографии» показано соотнесение имен с местом обитания персонажей (*вепреслон*, *велбудопардус* как «индейские», «ефиопские» слова).

Классификация имен по составу — *одноосновные, сложные, составные* — раскрывает один из основных принципов номинации персонажей. Имя либо условно (простые имена, принимаемые как данное), либо обусловлено (сложные и составные имена, а также имеющие выраженную внутреннюю форму простые имена объясняются с т. з. состава или происхождения). «Этимологический анализ» сложных имен представляет собой не только прояснение значений частей слова (*аруи арисы* — *зверь-пахарь*), но сопровождается развернутой мотивировкой (рассказ о совокуплении разных зверей у водополя и рождении *велбудопардусов, леопардусов, волкопсов*). Отмечается тенденция преобразования сложных имен в двукомпонентные (*вепреслон* — *вепрь слон* — *вепрь слоний*).

Рассмотрение имен с т. з. *полисемии* и *омонимии* выявляет наличие нескольких значений у названия животного (*аспид* — «крылатая змея, не переносящая звука трубы», «двуногий змей», «существо с чертами змеи, птицы, человека, василиска», «летающий змей», «водяной змей»); показывает постепенное преобразование отдельного значения в омоним (*ехидна* — «ядовитая змея или ящерица», «змееподобное существо», «ядовитая черепаха» и «еж» как результат искажения гр. *εχιδνα*, созвучного названию *ехидны*); представляет омонимию как результат взаимодействия в пределах памятника разноязычных лексем (*кролик* «зверек» и «птица королек», из польского).

Особенности бытования имен в различных текстах отразились в наличии *вариантов* названий одного и того же объекта. Наличие/отсутствие вариантов имени, типы вариантов, степень сводимости ва-

риантов к общему инварианту свидетельствуют о степени освоения лексической единицы языковым фондом. В работе анализируются *графические* (u/i, ъ/ь, e/ѣ), *фонетические* (онагр/анагр, инорог/инорох, заяц/заец/заиц; ихневмон/охневмон, алкион/лакион), *морфологические* (загоска/заговоска, елѣфант/ѣфант), *грамматические* (еродий/еродие/еродия), *семантические* (телорози/белорози, онокентаври/онокентвари) варианты названий животных, устанавливаются некоторые закономерности формирования вариантов, степень изменчивости имени в зависимости от смыслового наполнения образа (имена мифических существ являют наиболее широкий диапазон вариативности).

С проблемой вариантов соотносится проблема *трансформации названий* в тексте и влияния текста на имя зооморфного персонажа. В результате искажений начального текста, изменения границ словоделения появляются *новые персонажи* (алконост из алкуон есть; бобреслов из о бобре слово; гилистери из gelbe Stier; норкам, норка из норъ камо). Известные персонажи наделяются *новыми свойствами* (тепл на лежание конь из tepl на желание конь; леон есть лютый зверь оуши белы а у иных черны оуши, как результат стяжения двух текстовых отрывков о льве и медведях; оуши — искаж. лат. *ursi*).

Заключительные разделы главы посвящены принципам описания зооморфных персонажей. Выделяются два способа раскрытия значения имени — *описательный*, через рассказ о свойствах объекта (реализуется в конструкции «слово-текст») и *переводной*, через сопоставление с другими лексемами, имеющими сходную семантику (реализуется в конструкции «слово-слово»).

Имя в контексте. Книжные сказания о животных представляют собой устойчивые тексты, всегда сохраняющие связь с первоисточником. Явление сопряженности словоформы с исконным контекстом отразили

азбуковники, использовавшие для толкования лексем фрагменты текстов, откуда бралась лексема. Данная особенность позволяет уточнить круг памятников, послуживших источниками для азбуковников (на примере лексемы *кастор* и рассказа о *слезах крокодила* делается вывод о возможном использовании азбуковниками бестиария Дамаскина Студита).

Единство имени и комментария в пределах текстового отрывка проявляется в переходе текстовых связок из одного памятника в другой (наличие в рассказе об одном животном названия, представленного разными лексемами, напр., *инорог* и *единорог*, говорит о компиляции), в своеобразной тенденции к уравниванию имени и описания в содержательном плане (в слове заключен «свернутый» сюжет; в роли комментария к слову предполагается только контекст первоисточника).

Глава 3 посвящена славянской книжной символике животных. В символично-толковательных памятниках проявился особый характер средневекового мирозерцания, усматривающего в конкретных явлениях подобия трансцендентным понятиям. Так, в «Физиологе» при описании животных отмечаются только те свойства, с помощью которых можно было найти аналогии с каким-либо богословским понятием или сделать нравственные выводы, и *символизм главенствует над фактическим описанием*. Наименования зверей и птиц выступают как наименования символов, а не конкретных созданий. В работе предлагается анализ *механизма символизации слова* в пределах определенным образом сформированного фрагмента текста (на примере сказаний «Физиолога»).

Приоритет символизма, аллегорического истолкования и понимания «слов» о животных в иносказательном ключе определяется построением

сказаний «Физиолога», принципами организации отдельных фрагментов текста. Рассматривается обязательная *двучастная композиция сказаний* (описание + толкование), а также ряд формальных признаков, призванных подчеркнуть символический план сказания: *обращения к читателю, ссылки на «физиолог» в клишированных зачинах и концовках глав, библейские цитаты.*

Наиболее важную роль в переводе повествования из плана описания в план символического толкования играют *ссылки на Священное Писание* — обязательные структурные элементы сказаний «Физиолога». Начиная или завершая повествование в пределах одной главы, цитата является квинтэссенцией, сжатым пересказом последующего или предшествующего описания. Подобное сведение отрывка текста к выдержке из Св. Писания призвано указать на сокровенный смысл содержания текста, воплощенный в божественном слове (Пс. 79 : 14 в главе о диком вепре, Пс. 41 : 2 в главе об олене). Цитата, венчающая собой отрывок текста, может играть своеобразную «цементирующую» роль в его структуре, содержать основную мораль притчи (Пс. 33 : 15 в главе о муравье, Мт. 10 : 16 в главе о змее). Повторяющиеся фрагменты библейских текстов создают цитатную рамку вокруг повествования, постоянно напоминаящую читателю о необходимости искать за «звериным» обликом действующих лиц высший духовный смысл (Мт. 3 : 7 в рассказе о ехидне, Пс. 41 : 2 в главе об олене). Толковательная часть отдельного сказания «Физиолога» может быть практически полностью составлена из набора цитат, взятых из различных книг Ветхого и Нового Завета (напр., при символической интерпретации свойств солнечной ящерицы, ихневмона). Свободно комбинируя фрагменты различных библейских источников, составители «Физиолога» использовали сказания о животных для изложения основ

христианского вероучения (в сказании об олене «связка» цитат призвана раскрыть тему противоборства Христа и дьявола).

В результате в тексте «Физиолога» происходит не только трансформация образа животного и его имени, когда символика выходит на первый план. В свою очередь цитата «отрывается» от текста-первоисточника, не соотносится более с его содержанием и становится неотъемлемым элементом рассказа о животном или даже частью его «образного портрета». Именно так мифическая птица феникс «присвоила» себе библейское изречение Пс. 91 : 13 (основанием для этого послужила омонимия др.-рус. *финиксъ* «дерево, род пальмы» и «птица феникс»), в результате чего в др.-рус. книжности библейский фразеологизм *«Праведникъ яко финиксъ процвететь»* в большей степени соотносился с образом баснословной птицы, чем с финиковой пальмой, о которой говорится в тексте псалма. Такое вторичное прочтение цитат, возникающее в результате их функционирования в тексте «Физиолога», привело к появлению в более поздних сборниках, использовавших материал этого памятника, своеобразных «перевертышей», когда библейская цитата начинает истолковываться при помощи рассказа о звере или птице. Природный объект реконструируется по устойчивому стереотипу (цитате); если приводится изречение Пс. 91 : 13, от читателя ожидается однозначное воссоздание сюжета о возрождающемся из пепла фениксе, Пс. 102 : 5 предполагает рассказ об орле, возвращающем себе молодость, Пс. 101 : 7.— историю жертвенной любви пеликана.

Изначально заложенный в Библии символизм «работает» в «Физиологе» на новом уровне — помогает увидеть скрытый смысл в «неподобных образах», когда за сугубо материальным обликом животных скрываются догматические и нравственные понятия, через познание

которых человек приобщается к высшему знанию и божественной правде.

Рассматривая *характер символических толкований*, автор предлагает перекрестную классификацию, оценивающую их с позиции характера уподобления и с точки зрения смыслового содержания. В зависимости от того, что выступает в качестве параллели к символизируемому объекту (богословское понятие или моральное уподобление), толкования делятся на *догматические* (тип 1 — уподобления Христу, апостолам, еретикам, дьяволу, идее крещения, воскресения, распятия и др.) и *морализаторские* (тип 2 — советы применительно к нравственным нормам поведения человека, уподобления носителям добродетели или порока, нравственным категориям). В связи с первым из предлагаемых способов классификации толкований необходимо отметить *многозначность символа*, проявляющуюся в следующих особенностях толкований. В пределах сказания у одного и того же символизируемого объекта могут сочетаться противоположные значения (*единорог* — Христос; благочестивый человек, не забывающий о молитве; бес; *аспид* — дьявол; иудеи, не принявшие спасительного божественного слова; распятый Христос). Проявляется двойное отношение к библейскому разделению тварей на «чистых» и «нечистых», напр., «нечистые» *филин*, *харадр* как символы Христа. Один и тот же персонаж может символизировать как ветхозаветный, так и евангельский образ (морской конь *идроп* — Моисей и Христос). Одно и то же животное может стать объектом как догматического, так и нравоучительного толкования (*феникс* — Христос; воскресение Христа; воскресение мертвых; истинно верующие; мученики-праведники; грешник, обновившийся приобщением к божественной благодати; стойкость).

В зависимости от смыслового значения толкования делятся на «персональные» (тип А — описываемый объект служит символическим обозначением другого единичного объекта; уподобления Христу, дьяволу, пророкам и т. д., а также человеку как носителю определенных моральных качеств) и «ситуативные» (тип В — описываемый объект символизирует целый ряд сопряженных друг с другом понятий; символическое изображение религиозных догматов и развернутые морально-нравоучительные толкования).

В связи с совмещением в пределах одного толкования различных аспектов рассматривается проблема *символических рядов*. В «Физиологе» и сходных с ним памятниках символика животных проявляется на фоне обширного поля христианской символики. Если в тексте животное, которому в целом посвящена глава, «соприкасается» с другими существами и реалиями, то каждый из этих элементов получает свою символическую интерпретацию, соотносимую с основным символическим значением, заложенным в центральном образе. В сказании об орле, который возвращает себе молодость, омывшись в источнике и сидя на камне под солнцем, ю.-слав. списки «Физиолога» выстраивают следующий ряд реалий: орел — вода — камень — солнце. Основное символическое значение, проецируемое на образ орла (человек, освобождающийся от грехов), реализуется в тексте через ряд сопутствующих символов: очищающая вода — заповедь духовного отца или слезы покаяния; камень — церковь, Христос или вера; обжигающее солнце — церковь или молитва. Раскрытию инносказательного значения притчи об орле способствует также ряд символов, прилагаемых к действиям, которые совершает орел. Избавление от старости и слепоты (т. е. грехов) происходит через полет в высоту (т. е. соблюдение поста), омовение в источнике (т. е. приобщение к духовным заповедям),

согревание на солнце (т. е. молитвы в церкви). Разные редакции одного памятника могли основывать свои уподобления, опираясь на различные стороны символа. Русские списки александрийской редакции «Физиолога» в легенде об орле подчеркивают момент троекратного погружения птицы в источник, ассоциируя это с идеей очищения через крещение. В ю.-слав. списках византийской редакции орел является обозначением грешника, очищающего свою душу искренним покаянием. Ряд списков византийской редакции рассказывает об олени, что он продлевает себе жизнь, погружаясь в источник; в других списках олень пьет воду из источника. Общий смысл толкования сходен в обеих группах: человек спасает душу, обратившись к Богу и церкви. Но в первом случае спасение ассоциируется с крещением, а во втором с причастием.

В ряде сказаний важным звеном в раскрытии иносказательного значения образа животного служит *символика цвета*. На примерах употребления эпитетов *белый* (в приложении к вещи птице харадр — символе Христа), *красный, чръни, черъмнозрачивый, чермнозрачный* (в приложении к голубю, голубице — символам Христа и Иоанна Крестителя), *златой, златый* (в приложении к озеру, где купается орел — символе райского источника) показано, как в контексте «Физиолога» реализуется символическое наполнение цветообозначений, дополняющее основной символический образ.

Так как для раскрытия основного символического значения, заложенного в отдельном сказании о животном, требуется ряд других символов или символическая интерпретация сюжета в целом, то «внешняя часть символической параллели» (по определению Л. С. Ковтун) может варьироваться. *Вариативность символизируемого объекта* выражается в «Физиологе» в посвящении одного и того же сюжета

(родители оживляют своей кровью мертвых птенцов) *пеликану, дятлу, аисту*. Рассказ о том, как дети заботятся о престарелых родителях, потерявших перья, относится к *аисту* и *удоду*. Символика варьирующихся образов остается неизменной: птица, оживляющая птенцов — это Христос, искупивший кровью грехи человечества; заботливые птенцы символизируют любовь и почитание родителей детьми.

Символические образы могут быть реализованы в языке в нескольких материальных оболочках. *Лексическая вариативность символа* ярко проявляется в переводных «естественнонаучных» сочинениях. Названия животных, получившие символическое истолкование, представлены здесь как славянскими лексемами, так и словами языка источника. Канва сюжета при этом остается нетронутой; неизменна и организующая этот сюжет символика. Лексические варианты типа *елафос-елень, аетос-орел, пеликань-неясыть, ирябрь-еребица-коропатва, пеларгось-стеркъ-буско, ласица-невестка, езгуля-жегзуля-зогоска* и т. п. из текстов «Физиолога», «Цветов дарованиям», азбуковников, представляют собой внешнюю сторону одного, общего для них символа. Несмотря на свою синонимичность, вариативные названия не одинаково значимы для раскрытия символического значения образа. Зверь, оскопляющий сам себя, чтобы спастись от охотников (символ человека, избегающего козней дьявола), именуется *бобръ* или *касторъ*. Последнее название ярче подчеркивает связь символической и этимологической характеристики (ср. объяснение *castor* через *castrando* «оскопля»). Т. о., знаковой в символе оказывается в первую очередь семантика, ее устойчивость, не закрепленная за тем или иным словом, а присущая ряду лексем, обнаруживающим на данном этапе развития языка смысловое сходство.

Представленное в исследовании описание механизма символизации

слова соотносится со сформулированной Н. И. Толстым концепцией «грамматики символа». На основе «лексики природы» славянской книжности также можно говорить о синонимике символа (в нашем случае этому соответствует *вариативность символизируемого объекта и лексическая вариативность символа*), об омонимии символа (ср. *многозначность символа* в данной работе) и о *фразеологии символа* (ср. *символические ряды*).

Книжная символика животных, сформировавшаяся под влиянием церковной догматики, в значительной степени отличается от *символики животных в фольклоре*. Можно указать немногочисленные случаи проникновения книжных символов в систему народных представлений о животных. Вопрос взаимодействия книжной и фольклорной традиций рассматривается на примере сказания об орле из «Физиолога» и народных ю.-слав. легенд об орле-*крсташе*, в которых отразилось символическое значение этой птицы, связываемое с идеей крещения. В целом же в народной традиции южных славян орел имеет иную символическую нагрузку, связанную с культом предков и солярной символикой. Приведенный пример подтверждает положение о том, что одно и то же понятие может иметь в разных, нередко сосуществующих традициях разную символическую семантику.

Материал, представленный в работе, показывает, что образ и его материальная оболочка — слово — приобретают символическое значение только в определенном *контексте*, организованном определенным способом: когда символика полагается в основу структуры целого произведения и отдельных его фрагментов, а содержание сказания сводится к символическому значению главного образа или к ряду сочетаемых символов. Вне контекста или в лексической оболочке, «чуждой» тексту-источнику, в котором символ сформировался, образ

лишается символического наполнения (напр., наличие символических толкований при лексемах *езгуля*, *жегъзуля*, восходящих к источнику — Толковой Палее, и отсутствие таковых при словах *кокушка*, *кукушка*, *кокькиось*, рассматриваемых азбуковниками просто как лексические единицы) или утрачивает свою многозначность, превращаясь в эмблему. Символическое наполнение имени предполагает также наличие *традиции*, на фоне которой происходит развитие образа: в данном случае это позднеантичные источники, положившие начало баснословным описаниям животных, и тексты Священного Писания, давшие толчок к иносказательному восприятию образов.

Словарь названий и символики животных, построенный на материале памятников славянской книжности, фиксирующий лексическое и символическое значение имени, а также соотносящий словесное описание с иконографическим изображением, может стать одним из этапов составления словарей символов и помочь преодолению тенденции к фрагментарному описанию славянской традиции, представленному в большинстве из существующих сегодня мифологических энциклопедий и словарей символики.

Положения диссертации отражены в публикациях:

1. Представления о животных по материалам памятников древнерусской «естественнонаучной» литературы // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 50—52. 0,1 а. л.
2. Что мы знаем о ехидне? // Русская речь. 1992. № 2. С. 102—105. 0,24 а. л.
3. О чудесной птице Алконост // Русская речь. 1993. № 1. С. 113—117. 0,24 а. л.

4. «Притворный в слезах крокодил...»//Русская речь. 1993. № 3. С. 105—107. 0,2 а. л.
5. Символика животных и символизация имен в памятниках восточно- и южнославянской книжности//Язык, литература, культура: традиции и инновации (материалы конференции молодых ученых). М., 1993. С. 5. 0,1 а. л.
6. Единорог в народных представлениях и книжной традиции славян//Живая старина. 1994. № 4. С. 11—15. 0,6 а. л.
7. К вопросу об изучении славянского «Физиолога»//Славяноведение. 1995. № 2. С. 38—45. 0,8 а. л.
8. Роль библейских цитат в тексте славянского «Физиолога»//Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М., 1995. С. 9—12. 0,1 а. л.
9. Лексика и символика в словаре названий животных (по материалам памятников восточно- и южнославянской книжности XIII—XVII вв.)//Словарь и культура. Материалы конференции. М., 1995. С. 90—93. 0,2 а. л.
10. Баснословный зверинец//Живая старина. 1996. № 2 (в печати). 0,5 а. л.

